mezhdunarodnyh otnoshenijah): sb. nauch. st. / pod red. Ju.G. Chernyshova. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 17–24.

10. Pochepcov G.G. Informacionnye vojny. M.: Refl-buk ; Kiev: Vakler, 2000.

11. Kovaljova T.S. Strategija manipuljacii v informacionnoj vojne (na materiale tekstov InoSMI, posvjashhennyh juzhnoosetinskomu / gruzinskomu konfliktu 2008 g.) // Politicheskaja lingvistika. 2011. № 3(37). S. 78–86.

12. Tihomirov S.A. K voprosu o nekotoryh tehnologijah vedenija informacionnyh vojn // Armija i obshhestvo. 2012. № 1. S. 47–51.

13. Chernyshov Ju.G. Informacionnye vojny – mify i real'nost' // Sovremennaja Rossija i mir: al'ternativy razvitija (Informacionnye vojny v mezhdunarodnyh otnoshenijah): sb. nauch. st. / pod red. Ju.G. Chernyshova. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2012. S. 4–6.

Semantics of the term "information warfare" in a journalistic text

There are described the semantic peculiarities of the term "information warfare" and considered the transformations of its meaning in a journalistic text.

Key words: *metaphor, semantics, term "information warfare", journalistic text.*

В.И. СУПРУН, Е.В. БРЫСИНА
(Волгоград)

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Описывается этнический и субэтнический состав населения Волгоградской области, определяются ведущая роль русского народа, характеризуются его диалектные особенности, анализируется народная речь проживающих в регионе украинцев, татар, выявляются места компактного проживания казахов, азербайджанцев, армян и др.

Ключевые слова: *диалектология, говоры, донское казачество, цоканье, полное аканье, ассимилятивно-диссимилятивное яканье, Волгоградская диалектологическая школа.*

Значительное число народов, в той или иной степени повлиявших на ход мировой истории, связано своей судьбой с междуречьем Волги и Дона. Древние индоевропейцы, насыпавшие здесь свои курганы (если придерживаться взглядов исследовательницы М. Гимбутас), многочисленные кочевники, говорившие на формирующихся языках алтайской языковой семьи, спорадически появлявшиеся представители уральской языковой общности, забредавшие сюда носители афразийских и сино-кавказских языков – чуть ли не половина доисторического мира в той или иной степени коснулась в своём становлении и развитии Нижней Волги и Среднего Дона.

Но постепенно этническая история нашего края стабилизировалась. Сразу здесь прочно обосновываются татары. В хазарское и золотоордынское времена именно они составляли костяк местного населения, охотно вступая в контакты со славянами, иранцами, кавказцами, византийскими греками, евреями и другими народами. На берегах Волги и её рукава Ахтубы появились крупные города. Татары и славяне относительно мирно сосуществуют.

К этому времени на берегах Дона начинают селиться в своих городках казаки, а в 1589 г. появляется крепость Царицын-на-Волге. Русский этнический элемент становится ведущим на Нижней Волге и Среднем Дону. Позже сюда прибывают на постоянное жительство украинцы, белорусы, поляки, евреи, цыгане, армяне, мордва, с 1764 г. поселяются немцы, с востока приезжают казахи, особенно интенсивно в конце XX – начале XXI в. В это же время увеличивают своё представительство в регионе народы Кавказа.

В настоящее время в Волгоградской области проживают 123 народа и 14 субэтносов, т.е. тех частей народа, которые обладают спецификой культуры и осознают своё отличие от остального этноса, как, например, казаки и поморы среди русских.

Для этнолингвистической картины региона важны диалектные особенности населения, то, какими чертами отличается речь жителей тех или иных населённых пунктов и их соседей. Русские расселены на территории нынешней Волгоградской области повсеместно, однако их речь разделяется на две диалектные зоны: западную (донские говоры) и восточную (волжские). Впервые донские и волжские говоры были рассмотрены В.И. Далем в его статье «О наречиях русского языка», опубликованной в 1852 г. в «Вестнике Русского географического общества» (V книга). Он подробно анализирует особенности донского наречия и сообщает, что в Саратовской и Астраханской

© Супрун В.И., Брысина Е.В., 2015

губерниях «население забродное, со всей России», здесь взял верх рязанский говор, но от смешения «он обтёрся» [3]. Основательное изучение говоров на территории нашей области началось в 1932 г. и затем вновь активизировалось в 1970–1980-е г. XX в.

В западной части Волгоградской области бытуют донские говоры. Они сформировались в XVI–XVII вв. в результате переселения носителей южнорусского наречия на Дон и его притоки и их территориального и социального обособления от других частей русского народа в условиях формирования и развития казачьего военного сословия. Донские говоры примыкают к восточной части южнорусского наречия, вместе с рязанской группой противопоставляются западным южнорусским говорам и обнаруживают общие черты с курско-орловской группой и восточными среднерусскими акающими говорами. Социальная изоляция донских казаков, их высокая самооценка, приводящие к отталкиванию от соседних говоров русского языка и ослабленному воздействию литературного языка, способствовали хорошему сохранению народной речи.

Диалектными чертами донских говоров, общими с другими южнорусскими говорами, являются: аканье; яканье; фрикативный [г], чередующийся с [х] в слабой позиции; мягкое *-ть* в 3-м лице единственного и множественного числа глаголов настояще-будущего времени; исчезновение 2-го спряжения глаголов (*ходють, носють*); форма родительного падежа единственного числа личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*; окончание *-е* в родительном падеже единственного числа 1-го склонения с предлогом (*у жыне, у систре*); исчезновение среднего рода; лексемы *зеленя* ‘озимые’, *люлька* ‘колыбель’, *корец* ‘ковш’, *дежа*‘квашня’, *гребовать*‘брезговать’, *чапельник*‘сковродник’, *рогач* ‘ухват’и др. К собственно донским диалектным чертам относятся: ассимилятивно-диссимилятивное яканье кидусовского и култуковского подтипов ([сястра, сястру, сястры], но [систре]; [зилёный] и [зялёный]); прогрессивное смягчение заднеязычных (*Манькя, уголькём, чайкю; Ольгя*); переход ударного [а] в [о] в корнях слов (*плотишь, воришь, содим; скомьи, бохчи*); переход ударного [а] в [е] между мягкими и исконно смягчёнными согласными (*мечик, кричеть, дышеть*); эпентетический гласный в некоторых словах (*пашаница, самародина*); протетический [а] перед плавными (*алевада, алиман, алимон;арепей, аржаной*); отсутствие первой палатализации в глагольных формах (*пекёшь, стерегёть*); лексикализированный переход [ц] в [с] (*святок, святастый*) и гиперизмы *царай, цапог*, отражающие это явление; специфическое произношение некоторых слов (*диря, високий, камарь, скрыпеть, стрыгун, стручёк, нутрё, вышня* и др.); инфинитив всех глаголов на *-ть* (*несть, плесть, рость, итить*); окончание *-ы* в именительном падеже множественного числа слов среднего роды (*окны, озёры*); окончание *-я* в именительном падеже множественного числа слов 3-го склонения (*матеря, площадя, сетя*); окончание *-е* в предложном падеже слов 3-го склонения (*ф стипе, в гризе*); окончание *-ми* в творительном падеже множественного числа (*грудьми, коньми, вилми*); формы глагола *ляжу, ляжь*; предлог *с* в значении ‘из’ (*приехала с Волгограда*), *в* – в значении ‘у’ (*ф казаках*); лексемы, характеризующие особенности социальной (*атаман, есаул, станица, хутор, юрт, круг, майдан, жалмерка*) и бытовой (*баз* ‘скотный двор’, *левада* ‘сад или огород за усадьбой’, *займище* ‘низина у реки, заливной луг’, *лиман* ‘болотистое озеро’, *волочить* ‘бороновать’, *курень* ‘казачий дом’, *долгушка* ‘спальня’, *ирян* ‘напиток из кислого молока с водой’, *откидное / порточное / стечное молоко* ‘отжатое квашеное молоко’, *чакан* ‘рогоз’, *сула* ‘судак’, *бирюк* ‘волк’, *гусынка* ‘трава спорыш’, *кочет* ‘петух’, *бабайка* ‘весло’, *щерба* ‘уха’, *гардал* ‘горчица’, *горчица* ‘горький перец’ и др.) жизни казаков; особые названия неказаков (*иногородний, мужик, мужичка*); особая форма приветствия (*Здорово дневали / ночевали! – Слава Богу!*) (Кудряшова Р.И., 1997; Миртов А.В., 1929) [6; 8; 11].

Л.М. Орлов выделил на территории Волгоградской области хопёрские, чирские и медведицкие говоры. Хопёрские говоры распространены на территории бывшего Хопёрского округа Области Войска Донского. Специфическими чертами, выделяющими их среди других донских говоров, являются: мягкое произношение долгих шипящих [ж’:] и [ш’:] на месте *жж, щ* (*вож’:и, ш’:ука*); переход среднего рода в мужской (*вкусный молоко, полотенец*); мягкое произношение [р] и [н] перед [ц] (*соньце, агурьцы*); в некоторых селениях – формы родительного падежа личных и возвратного местоимений *мяня, тябя, сабя*. Медведицкие говоры бытуют на территории бывшего Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского. Их специфическими чертами являются: твёрдое произношение долгих шипящих [ж:] и [ш:] на месте *жж, щ* (*вож-*

жы, шшука, но *овощи*); переход начального [о], [а] в [и] (*игарод, игурцы*); переход среднего рода в женский (*худая вядро*); формы родительно-винительного падежа личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*, формы дательно-предложного падежа *табе, сабе*.Чирские говоры, распространённые на территории бывшего Второго Донского округа Области Войска Донского, имеют следующие специфические черты: твёрдое произношение долгих шипящих [ж:] и [ш:] на месте *жж, щ* (*дрожжы, шшука*); дезаффрикация [ч] в [ш'] (*Казащёк, пощёмлущёк?*); замена звука [ф] на [х, хв] (*хверма, кохта*); протетический [в] перед [о] и [у] (*вулица, возера, вутка*); переход среднего рода в женский (*красивая платья*); формы родительно-винительного падежа личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*; окончание *-о* у существительных женского рода в именительном падеже единственного числа (*копно, стено, звездо*).

Волжские говоры являются совокупностью гетерогенных русских говоров, распространённых в центральной, северной и юго-восточной частях Волгоградской области. Они возникли на территории региона не ранее XVIII в. Л.М. Орлов определил их основные черты и выделил 7 групп: ахтубинскую, мокроольховскую, перещепновско-краишевскую, погроменско-ельшанскую, верхнемедведицкую, терсинскую и аксайскую. В них представлены особенности северно- и южнорусского наречий, среднерусских говоров. Последующие исследования не подтвердили существования аксайской группы, говор был отнесён к украинским. В результате диалектологических экспедиций 2012–2014 гг. выявлена заволжская группа русских говоров.

Чертами севернорусского наречия обладают погроменско-ельшанские говоры, которые встречалась в сёлах Верхнепогромном и Ельшанке. Здесь отмечаются неполное оканье; ёканье, еканье; [г] взрывной; стяжение в глаголах и прилагательных (*он делат, высока изба*); твёрдый *-т* в 3-м лице глаголов настояще-будущего времени (*ходит, несут*); формы родительного падежа личных и возвратного местоимений *меня, тебя, себя*. Лексика северно-русская с южнорусскими вкраплениями. Эти говоры ныне постепенно исчезают. Верхнемедведицкие говоры распространены в северной части Жирновского района в сёлах на берегу р. Медведицы. Они обладают чертами среднерусских говоров: аканье; умеренное яканье; [г] взрывной; мягкое произношение долгих шипящих [ж':] и [ш':] на месте *жж, щ* (*дрожжи, ящик*); стяжение в глаголах (*делашь, делат*); твёрдый *-т* в 3-м лице глаголов настояще-будущего времени (*бросит, ведут*); формы родительного падежа личных и возвратного местоимений *меня, тебя, себя*. Лексика имеет смешанный характер, но преобладают севернорусские слова. Терсинские говоры, распространённые в поселениях на берегах р. Терсы, обладают чертами южнорусского наречия с некоторыми отклонениями в сторону среднерусских говоров: аканье; умеренное яканье; [г] взрывной; мягкий *-ть* в 3-м лице глаголов настояще-будущего времени (*поёть, идуть*); формы родительного падежа личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*; переход среднего рода в женский (*бальшая сяло*); совпадение окончаний предложного и творительного падежей единственного числа прилагательных мужского и среднего рода (*худым ведром – в худым ведре*). Лексика имеет смешанный характер с преобладанием южнорусских слов.

В селениях на берегу р. Ахтубы живут носители ахтубинских говоров. Эта группа обладает чертами южнорусского наречия: аканье; иканье; [γ] фрикативный; твёрдое произношение долгих шипящих [ж:] и [ш:] на месте *жж, щ* (*вожжы, яшшык*); мягкий *-ть* в 3-м лице глаголов настояще-будущего времени (*берёть, беруть*); формы родительного падежа личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*; окончание *-е* в предложном падеже слов 3-го склонения (*в грязе*). Специфической чертой является лёгкая аффрикатизация мягких переднеязычных согласных: [$д^{з'}$], [$т^{с'}$]. Преобладает южнорусская лексика. Мокроольховские говоры распространены в поселениях на берегах р. Мокрой Ольховки. Они также обладают чертами южнорусского наречия: аканье; умеренное диссимилятивное яканье; [γ] фрикативный; замена звука [ф] на [х, хв] (*кохта, сарахван*); мягкий *-ть* в 3-м лице глаголов настояще-будущего времени (*идёть, нясуть*); формы родительного падежа личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*; переход среднего рода в женский (*сырая мяса*); совпадение окончаний предложного и творительного падежей единственного числа прилагательных мужского и среднего рода (*худым ведром – в худым ведре*). Специфическими чертами является отсутствие третьей лабиализации (*верефка, селетка*) и отпадение конечного *-ть* в 3-м лице множественного числа глаголов второго спряжения (*ходя*). Лексика имеет смешанный характер.

Особо выделяются носители русских волжских говоров, распространённых в сёлах

Перещепное Котовского района и Краишевка Еланского района, которые были основаны переселенцами из Пензенской губернии в 1787-м и 1799 гг. соответственно. Они образуют группу перещепновско-краишевских говоров, которые называются также мещёрскими. В Пензенскую губернию цуканы перебрались в XVII в. из Рязанской Мещёры, получившей название по древнему финно-угорскому народу мещере, который был ассимилирован вятичами и их потомками, но оставил в русском диалекте восходящие к финно-угорскому субстрату черты: твёрдое цоканье, шепелявенье и, возможно, переход [ф’] в [й]. Эта группа обладает специфическими чертами, выделяющими её среди южнорусского наречия: аканье; диссимилятивное яканье; [γ] фрикативный; твёрдое цоканье (*цугунок, пецка, цай*), переходящее ныне в Краишевке в твёрдое чоканье (*чысты, чорны, чай*); сильное смягчение фрикативных переднеязычных, бликое к шепелявенью (*с’’ена, з’’има*); переход мягкого [ф’] в [й] (*дейки, барадайки*); переход [в] в [у] и [ў] (*узварик, ў руку, кулакоў*); переход [ф] в [х] и [хв] (*сарахван, Хетька*); твёрдое произношение [ж:] и [ш:] на месте *жж, щ* (*дож:ык, и ш:у*); переход [а] в [е] между мягкими и исконно смягчёнными согласными (*мец*); переход начального [о], [а] в [и] (*идияла*); стяжение в прилагательных (*руски, лишня, на красну горку*); мягкий *-ть* в 3-м лице глаголов настояще-будущего времени (*бродить, живуть*); окончание *-я* в именительном падеже множественного числа 1-го и 2-го склонения (*тыквя, плитня*), переход среднего рода в женский (*адна идияла, бальшая сяло*), ударение на основу в 1-м лице единственного числа глаголов настояще-будущего времени и отсутствие изменения согласного (*приду, полецу, ходю, будю, истопю*); инфинитив на *-ть* (*несть, везть, итить*); возвратная частица *-си* (*взялся, баимси, ни пазорьси*); окончание *-е* в предложной форме родительного падежа единственного числа существительных 1-го склонения (*у систре, у жыне*, но *нет жаны, дом сястры*); окончание *-ай* в именительном падеже единственного числа прилагательных мужского рода (*горькай, тонинькай*); формы личных и возратного местоимений *тае, сае, мя, тя*; предлог *по* с названием игры в винительном или дательном падежах (*играть по клёк, по застукалки, по слепому козлу*). Лексика в основном южнорусская, но встречаются и севернорусские слова.

В 2012–2014 гг. этнолингвистические экспедиции ВГСПУ в Заволжье позволили выявить заволжскую группу русских говоров, в которую входит население сёл Красный Яр, Черебаево и Белокаменка. Говор этих сёл отличается отчётливо проявляемым единообразием, которое обнаруживается на всех языковых уровнях. В системе вокализма отмечаются полное аканье, ассимилятивно-диссимилятивное яканье, которое под влиянием литературного языка постепенно вытесняется иканьем.

Усреднённые говоры южно- и среднерусского типа распространены в населённых пунктах, в которых до сентября 1941 г. жили поволжские немцы (колонии, колонки), а после их выселения в них переехали жители окрестных сёл и беженцы из западных областей СССР. После войны сюда прибывали на постоянное место жительства переселенцы из разных регионов страны. Ныне здесь появилось второе/третье поколение местных уроженцев, которые постепенно вырабатывают особенности местного русского говора. Эти сёла расположены в Старополтавском, Камышинском, Котовском районах.

На территории региона сложилась уникальная этноязыковая ситуация в заволжских, северных и ряде других районов. Здесь бытуют относительно гомогенные украинские говоры разной степени сохранности, однако их носители не признают себя украинцами, при переписях населения указывают себя русскими, в Заволжье применяют в качестве самоназвания этнографической группы этноним «хохлы» (чаще с аканьем – *хахлы*). Эти говоры относятся к восточноукраинскому типу. Число населённых пунктов с генетически украинским населениям в области составляет более ста единиц.

Исследования последних лет показали, что на территории нашей области распространены хорошо сохранившиеся украинские говоры. Они имеют ярко выраженные восточноукраинские черты: твёрдое произношение согласных перед [е] и [и]; переход [о] в [і] (*він, вікно*), протетический [в] перед [у] и [о] (в том числе перешедшим в [і]) (*вулиця, вона, вікно*; [γ] фрикативный; замена звука [ф] на [хв] (*хверма, Хветька*); переход [в] в [ў] в слабой позиции (*діўка, ходиў*); отвердение губных на конце слова (*кроў, сім*); мягкий *-ть* в 3-м лице множественного числа глаголов настояще-будущего времени (*беруть, ходять*) и 3-м лице единственного числа глаголов второго спряжения (*ходить*); отсутствие конечного *-ть* в 3-м лице единственного числа глаголов первого спряжения (*несе, бере*); формы родительно-винительного паде-

жа личных и возвратного местоимений *мене, тебе, себе*. Сами себя носители этих говоров называют *помешанцами* (от украинского помішатися ‘перемешаться’). Как и другие подобные непрестижные говоры, в русском окружении данные диалекты испытывают существенное влияние русского языка, поэтому можно предположить, что в будущем возникнет такая группа, совмещающая южнорусские и украинские черты.

Скрытое украинское меньшинство в Волгоградской области находится в процессе интенсивной ассимиляции. Младшее поколение уже не владеет диалектом, отрицательно относится к отмеченному выше самоназванию, неохотно вспоминает о своих этнических корнях. Только фамилии украинского типа, распространённые среди жителей Волгоградской области, свидетельствуют о происхождении предков их носителей [13–14].

До 1941 г. на территории нынешней Волгоградской области было много поселений немцев. Переселявшиеся в Нижнее Поволжье в 1760-е гг. на основании манифестов Екатерины II немцы говорили преимущественно на гессенском, пфальцском, реже на платском, саксонском и швабском диалектах. Так, в колонии Семёновка (Рётлинг) жители разговаривали на гессенском диалекте. Южногерманские диалекты, наиболее распространённые в колониях, стали общепринятыми для общения всех немцев. По мнению В.М. Жирмунского, возникал своеобразный «языковой котёл», в котором процессы смешения диалектов и ликвидации диалектных различий протекают более интенсивно, чем в естественных условиях. Г.Г. Дингес в диссертации «О русском влиянии на диалекты немецких колонистов Самарской и Саратовской губерний» обосновал разделение поволжских немецких диалектов на восточносредненемецкий и западносредненемецкий. Он насчитал около 800 слов, заимствованных немецкими говорами из русского языка (*Samowar, Pud, Arbus* и др.). Русские слова широко включались в немецкие предложения, анекдотичным стал пример Mutti, machWorota auf, Korowa kommt. Нынешнее состояние немецких говоров в регионе не исследовано.

Татарские говоры, бытующие на территории Волгоградской области, разделяются на говоры среднего (с. Бахтияровка, Маляевка, Царев Ленинского района и Малые Чапурники Светлоярского района) и мишарского (западного) (с. Лятошинка Старополтавского района) типов. Особо выделяется слабо исследованный говор татар-каракалпаков, проживающих в г. Палласовка, с. Гмелинка, Кайсацкое, Савинка, Кумысолечебница и др. Исследованием татарских говоров региона занимался Л.Ш. Арсланов. Отмечается замещение гласных литературного языка диалектными ([ы] < [а], [ә] < [и], [ү] < [и], [о] < [у], [ы] < [у] и др.). Лятошинский говор является йокающим, в нём вместо [ж] литературного языка и средних говоров встречается [й]. Вместо глубокозаднеязычных [ғ], [қ] функционируют простые звуки [г], [к], при этом [к] в интервокальном положении озвончается в [г]. Начальный [г] в словах арабо-персидского происхождения отпадает. Звук [ф] в Лятошинке заменяется на [п], кроме русских заимствований (*ферма, фуражка*). Регулярно встречается палатализация согласных [с’], [н’], [д’] и др. В русских заимствованиях [ц] переходит в [ч] (*балнича, купич, имилча* ‘мельница’), реже в [с] (*гарчис*). В 3-м лице единственного числа настоящего времени используется аффикс сказуемости *-дыр/-дер/-тыр/-тер*. Для выражения понудительного залога употребляется аффикс *-кыз/-кез/-гез*. Отмечено большое число лексических и семантических диалектизмов: *җома* ‘неделя’ (Малые Чапурники) < ‘пятница’ (литературный язык), *бикәч* ‘невеста’, *ат’а* ‘говорит’ (литературное *ди*), *който* ‘плохо’, *беранча* ‘немного’, *әле* ‘сейчас’, *чирахман* ‘град’ (литературное *боз*), *салма* ‘лапша’ < ‘вид клёцок’, *ару* ‘чистый’, *сакал* ‘подбородок’ < ‘борода’, *урысатна* ‘воскресенье’, *корка* ‘индюк’, *кызылкүз* ‘плотва’, *нәркәмәс* ‘полынь’, *баз* ‘яма’ и мн. др. Широко встречается союзное слово *качан* ‘когда’. Отмечены сложные наречия *кышката* ‘всю зиму’, *йазката* ‘всё лето’. Многие русские заимствования фонетически и семантически преобразованы, что говорит об их вхождении в диалект ещё до переселения татар на Нижнюю Волгу: *матри* ‘кажется, вроде’ (<*смотри*), *ызба* ‘дом’, *кучат* ‘петух’, *круг* ‘окрестности’, *запун* ‘фартук’, *куча* ‘много’, *тиха* ‘медленно’, *турнау* ‘тёрн’, *ләччә* ‘лещ’ и др.) [1].

По данным переписи 2010 г., в Волгоградской области проживает также 46,2 тыс. казахов, около 2% всего населения. Казахи – в основном жители сельской местности, они занимаются животноводством и земледелием, в городах их живёт только 14,8%, в том числе 6,2% в областном центре.

В низовьях Дона, к востоку от крепости Дмитрия Ростовского, где располагался его форштадт Полуденка, в 1779 г. был основан армянский город Нахичевань. Донские армяне говорят на диалекте, сильно отличающемся

от литературного армянского языка, у них сохраняются самобытная культура и традиции, включающие в себя как архаичные традиции Древней Армении, так и культуру и традиции народов Крыма и Подонья.

В 1926 г. в Сталинградской губернии зафиксировано 52 тюрка, как тогда называли азербайджанцев, в том числе только 5 – в самом Сталинграде. К 2002 г. число волгоградских азербайджанцев выросло до 14257 человек, что составляло 0,53% от всего населения. Они занимали седьмое место среди народов области, но в 2010 г. стали шестыми, обогнали немцев, их число выросло до 14398 человек.

Село Нижний Балыклей Быковского района было основано в 1849 г. (по другим данным, в 1690 г.). Первыми сюда переехали 6 семей мордвы, предположительно из Петровского уезда Саратовской губернии. В селе были распространены фамилии Пурясевы, Абмаевы, Макаровы. По переписи 2010 г., в регионе насчитывается 2273 мордвина.

Итак, русских на территории области в 2010 г. насчитывалось более 2,3 млн человек, казахов – 46 тыс., украинцев – 35,6 тыс., армян – около 28 тыс., татар – 24,6 тыс., азербайджанцев –14,4 тыс., немцев – более 10 тыс. Ещё 7 народов насчитывают по 5 тыс. человек и более: чеченцы, цыгане, белорусы, корейцы, узбеки, чуваши, турки. В области представлены двумя – пятью тысячами человек таджики, марийцы, даргинцы, молдаване, грузины, аварцы, мордвины, удмурты, лезгины (всего 9 народов). Ещё 5 народов насчитывают в области по тысяче и более человек своей национальности: калмыки, езиды, евреи, осетины, кумыки. Вместе взятые, эти 28 народов составляют свыше 98% жителей региона, создавая весьма пеструю языковую карту области.

Список литературы

1. Арсланов Л.Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополья (Язык. Фольклор. Словарь). Набережные Челны: Газ.-кн. изд-во «КАМАЗ», 1995.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. III. ЦЧР, Средне-Волжский район, Нижне-Волжский район. Отд. 1. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М.: ЦСУ СССР, 1928.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М.: ГИИНС, 1955.
4. Кудряшова Р.И. Мещёрские говоры в Нижнем Поволжье // Вопросы краеведения: материалы краевед. чтений. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1993. Вып. 2. С. 177–181.
5. Кудряшова Р.И., Брысина Е.В., Супрун В.И. Леонид Михайлович Орлов – учёный, учитель, патриот (1912–2001) // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Л.М. Орлова / под общ. ред. Е.В. Брысиной. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2012. С. 7–14.
6. Миртов А.В. Казачьи говоры. Изд. 2-е, перераб. Ростов н/Д.: Севкавкнига, 1926.
7. Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах (Опыт социолого-лингвистического исследования на материале донских и волжских говоров): дис. … д-ра филол. наук. М., 1969.
8. Орлов Л.М. Русские говоры Волгоградской области: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А.С. Серафимовича, 1984.
9. Северьянова А.А. Украинские говоры Волгоградской области // Вопросы краеведения: материалы VI и VII краевед.чтений. Вып. 4–5. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 256–259.
10. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. Изд. 2-е, перераб. и доп. Волгоград: Издатель, 2011.
11. Соловьёв В.ф. Особенности говора донских казаков. СПб.: Тип. Импер. академии наук, 1900. (Сб. Отделения русского языка и словесности ИАН. Т. LXVIII. № 2).
12. Список населённых мест Сталинградской губернии: по материалам Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г. Сталинград: Губисполком, 1928.
13. Супрун В.И. Украинский диалектный архипелаг в Поволжье // Proceeding of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists / Ed. by St. Warchol. Vol. II. Lublin: Wyd-woUniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej, 2003. P. 353–359.
14. Супрун В.И. Коренное украинское население Поволжья и Подонья: от появления до перехода в статус скрытого меньшинства // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А.А. Скрипник. Киев; М.; Уфа: Изд-во Уфим. филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. С. 121–126.
15. Супрун В.И. Наши казахи // Отчий край. 2013. № 3 (79). С. 140–147.
16. Супрун В. Азербайджанцы // Отчий край. 2014. № 1 (81). С. 136–141.
17. Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie.Marburg, 1991.

* * *

1. Arslanov L.Sh. Tatary Nizhnego Povolzh'ja i Stavropol'ja (Jazyk. Fol'klor. Slovar'). Naberezhnye Chelny: Gaz.-kn. izd-vo «KAMAZ», 1995.
2. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda. T. III. CChR, Sredne-Volzhskij rajon, Nizhne-Volzhskij rajon. Otd. 1. Narodnost', rodnoj jazyk, vozrast, gramotnost'. M.: CSU SSSR, 1928.

3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. I–IV. M.: GIINS, 1955.

4. Kudrjashova R.I. Meshhjorskie govory v Nizhnem Povolzh'e // Voprosy kraevedenija: materialy kraeved. chtenij. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1993. Vyp. 2. S. 177–181.

5. Kudrjashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. Leonid Mihajlovich Orlov – uchjonyj, uchitel', patriot (1912–2001) // Russkaja dialektologija: tradicionnye podhody i innovacionnye tehnologii: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 100-letiju so dnja rozhd. L.M. Orlova / pod obshh. red. E.V. Brysinoj. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2012. S. 7–14.

6. Mirtov A.V. Kazach'i govory. Izd. 2-e, pererab. Rostov n/D.: Sevkavkniga, 1926.

7. Orlov L.M. Social'naja i funkcional'no-stilisticheskaja differenciacija v sovremennyh russkih territorial'nyh govorah (Opyt sociologo-lingvisticheskogo issledovanija na materiale donskih i volzhskih govorov): dis. … d-ra filol. nauk. M., 1969.

8. Orlov L.M. Russkie govory Volgogradskoj oblasti: ucheb. posobie. Volgograd: Izd-vo VGPI im. A.S. Serafimovicha, 1984.

9. Sever'janova A.A. Ukrainskie govory Volgogradskoj oblasti // Voprosy kraevedenija: materialy VI i VII kraeved.chtenij. Vyp. 4–5. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1998. S. 256–259.

10. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / pod red. R.I. Kudrjashovoj. Izd. 2-e, pererab. i dop. Volgograd: Izdatel', 2011.

11. Solov'jov V.F. Osobennosti govora donskih kazakov. SPb.: Tip. Imper. akademii nauk, 1900. (Sb. Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti IAN. T. LXVIII. № 2).

12. Spisok naseljonnyh mest Stalingradskoj gubernii: po materialam Vsesojuznoj perepisi naselenija 17 dekabrja 1926 g. Stalingrad: Gubispolkom, 1928.

13. Suprun V.I. Ukrainskij dialektnyj arhipelag v Povolzh'e // Proceeding of the Third International Congress of Dialectologists and Geolinguists / Ed. by St. Warchol. Vol. II. Lublin: Wyd-woUniwersytetu M. Curie-Sklodowskiej, 2003. P. 353–359.

14. Suprun V.I. Korennoe ukrainskoe naselenie Povolzh'ja i Podon'ja: ot pojavlenija do perehoda v status skrytogo men'shinstva // Ukrainistika v Rossii: istorija, sostojanie, tendencii razvitija: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod obshh. red. A.A. Skripnik. Kiev; M.; Ufa: Izd-vo Ufim. filiala MGGU im. M.A. Sholohova, 2010. S. 121–126.

15. Suprun V.I. Nashi kazahi // Otchij kraj. 2013. № 3 (79). S. 140–147.

16. Suprun V. Azerbajdzhancy // Otchij kraj. 2014. № 1 (81). S. 136–141.

17. Berend N., Jedig H. Deutsche Mundarten in der Sowjetunion. Geschichte der Forschung und Bibliographie.Marburg, 1991.

Language situation in the Volgograd region

There is considered the ethnic and subethnic population of the Volgograd region, determined the key role of the Russian people, characterized its dialectal peculiarities, analyzed the folk speech of the Ukrainians, the Tatars who live in the region. There are found out the locations where the Kazakhs, the Azerbaijanis, the Armenians and people of other nations live.

Key words: *dialectology, dialects, Don Cossacks, clattering, full vowel reduction, assimilation and dissimilation vowel reduction, Volgograd dialectological school.*

М.Ф. ШАЦКАЯ
(Волгоград)

СИНТАКСИС ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЗАВОЛЖСКИХ ГОВОРАХ

Рассматриваются такие специфические черты синтаксиса заволжских говоров, как наличие разных видов инверсий, нетипичное употребление и функционирование связок и связочных образований, влияние определенных морфологических трансформаций на синтагматику главных и второстепенных членов предложения.

Ключевые слова: *второстепенные члены предложения, грамматическая основа, диалектология, заволжские говоры, инверсия, нормы синтагматики.*

Заволжские говоры, распространенные на территории с. Белокаменка (далее Бк.), Красный Яр (далее К.Я.) и Черебаево, в настоящее время только начинают изучаться волгоградскими лингвистами, хотя упоминание о них есть в рукописи Л.М. Орлова «Говоры Волгоградской области, их диалектная основа и современное состояние» [5] (приложение к его докторской диссертации). К ним он относит только смешанные николаевские и палласовские говоры Заволжья [Там же, с. 298–301], а говор с. Красный Яр Старополтавско-

© Шацкая М.Ф., 2015